

А.М. Руткевич

Особенности русского консерватизма. Карта и территория

Говоря об истории русского консерватизма и его особенностях в сравнении с другими странами, мы сталкиваемся с целым рядом трудностей. Одни из них связаны с разногласиями самих мыслителей, другие – со спорами истолкователей, у которых уже немалая история. Однако наибольшие затруднения вызывает то, что сами термины «идеология» и «консерватизм» доньше являются предметом дискуссии, да и прилагательное «русский» – при кажущейся самоочевидности – не столь уж просто применить к миру идей. И не только идей: достаточно вспомнить о том, что говорилось о засилье иностранцев в империи, о «немецкой династии» изрядным числом отечественных публицистов XIX века, причем таковыми вовсе не обязательно были славянофилы (скажем, можно вспомнить, что писал анархист Бакунин в «Кнудо-германской империи»). Были ли такие политики времен Александра I или Николая I как Бенкендорф, барон Кампенгаузен, граф Лаваль и им подобные русскими? Является ли «Народная монархия» Солоневича продуктом исключительно русской мысли, если практически вся аргументация против парламентаризма позаимствована у Шарля Морраса? Можно ли назвать русским большевистское правительство 1920-х годов, а спор между сторонниками Сталина и Троцкого вывести из тысячелетней русской традиции? Еще сложнее ситуация с употреблением понятий «консерватизм» и «идеология».

Поэтому прежде чем обратиться к особенностям русского консерватизма, необходимо дать хотя бы самую общую характеристику того, что мы называем идеологией. Наряду с либерализмом и социализмом консерватизм образует одно из трех больших семейств, уже два века именуемых идеологиями. Затем нам придется столь же кратко оценить историю европейского консерватизма. Но начнем мы с одного важного различия, которого будем придерживаться на протяжении всей статьи. Поэтому оно вынесено в заглавие.

Примерно шестьдесят лет назад представители так называемой общей семантики (разновидности лингвистической философии) предложили различать «карту» и «территорию» для уменьшения той путаницы, которая нередко царит в головах не только обывателей, но и ученых. Знания нам нужны для того, чтобы ориентироваться в происходящем, подобно тому, как желательно иметь карту в незнакомом городе или в туристическом походе. Карты создаются на территории и расположены на ней: карты общества и истории также принадлежат социальной реальности. Они рвутся, горят, устаревают и заменяются новыми. Знаки на карте условны и мало чем похожи на объекты на самой территории. Правила соединения понятий (синтаксис) не являются законами самого

Руткевич Алексей Михайлович, доктор философских наук, профессор, декан факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики».
E-mail: arutkevich@hse.ru

мира, а суждения и умозаключения сходны только с суждениями и выводами других людей. История политических теорий есть история смены карт, тогда как история того, что происходило в борьбе реальных групп, партий, наций или отдельных политиков относится к территории.

Путаница возникает, когда одно принимают за другое. В случае политической публицистики, да и изрядного числа трактатов даже серьезных ученых это нередко вело к упрощениям и искажениям. Мы хорошо помним марксистскую догматику («базис» и «надстройка»), для которой карты оказались своего рода фотографиями территории, а потому споры хоть Аристотеля с Платоном, хоть В. Соловьева с Н. Данилевским оказывались неким «отражением классово-вой борьбы». Однако сходные нелепицы писали и далекие от марксизма авторы. Достаточно вспомнить об «Открытом обществе и его врагах» К. Поппера, в котором практически все сказанное о Платоне и Гегеле является смехотворным для любого образованного историка философии. Ритуальные ссылки на диалектику в «Кратком курсе истории ВКП (б)» всё же не являются основанием для того, чтобы выводить «тоталитаризм» из «Государства» Платона или «Философии права» Гегеля. Конечно, ориентация на устаревшие карты иной раз мешает в политике – примером может служить хотя бы советская идеология в трактовке отделов ЦК КПСС брежневской эпохи. Только вряд следует возлагать ответственность за такое неумение и нежелание мыслить на социалистов XIX века или даже на Ленина.

Идеология

Идеологиями есть смысл называть систематизированные высказывания по поводу политической реальности, которые служат ориентирами для политического действия. В политике мы вынуждены выбирать в ситуации неопределенности, не зная всех последствий наших действий. Идеалы и ценности не редуцируются к материальным причинам, идеологии содержат множество суждений по поводу явлений, вообще никак не связанных с каким бы то ни было «классовым интересом». Человек желает жить в осмысленном мире, ему требуются схемы социального порядка, инструкции для деятельности. Помимо дескрипций, они обязательно содержат прескрипции, из суждений о сущем в них выводятся суждения о должном, что отличает их от любой науки. Мы можем предполагать, что знание фактического положения дел способствует эффективности действия, но наука ничего не говорит нам о социальной справедливости или свободе совести – они относятся к миру ценностей. Политик может нанять толпу экспертов, но он должен принимать решения в быстро меняющемся мире, он несет ответственность за свои дела, рискует, сталкивается с сопротивлением. Помимо очевидных прагматических интересов (сохранить и упрочить властные позиции или их завоевать), его осмысление действительности всегда содержит оценки. Идеология связывает и интегрирует людей со сходными ценностями, она мобилизует их на действия и оправдывает эти действия.

Нередко идеологи обманываются сами и обманывают других, но это никак нельзя считать определяющей функцией идеологии. В условиях свободной конкуренции партий и программ ложь быстро разоблачается. Социалист никого не обманывает, когда требует повысить налоги на богатых ради перераспределения во имя «социальной справедливости», равно как и либерал, призывающий понизить налоги, чтобы возросли инвестиции. Гитлер осуществлял именно ту программу, которая содержится в «Mein Kampf». Никого не обманывали и итальянские фашисты¹. Куда чаще обманывают и обманываются

¹ «Парадокс привлекательности фашизма заключается как раз в “честности” его идеологии. В случае фашизма мы сталкиваемся с откровенной и брутальной декларацией

не откровенные идеологи, а те сторонники «деидеологизации», которые не всегда сознают, что выполняют социальный заказ на «разоблачение» политического противника.

Аргументы ученого должны убеждать тех немногих, кто принадлежит к научному сообществу, аргументы идеолога предназначены для масс, причем чаще всего малообразованных. Коллективные верования способствуют энергичному действию, тогда как сомнение такое единство слова и дела разрушает, останавливает на полпути. Теории могут быть полезными для данного общества, не будучи истинными, могут быть бесполезными, несмотря на свою истинность. Никакая наука – пока она таковой остается – не притязает на то, что способна растолковать, что такое счастье, добродетель, цель жизни, общественное благо и т.п. Известные слова Маркса о философах, которые объясняли мир, тогда как «дело заключается в том, чтобы изменить его», принадлежат не ученому, а идеологу. Пока речь идет о науке, изменяющее предмет вмешательство познающего субъекта неизбежно ведет к искажению картины этого предмета. Ученый оставляет все, как есть, он не читает мораль миру. Даже если ему очень хочется его изменить, он «берет в скобки» это стремление, пока исследует природу или общество. Ситуация идеолога является иной, поскольку он желает направлять политическое действие к целям, которые сам считает благом для индивида, группы или даже всего человечества. Он может обладать глубокими научными познаниями и даже быть крупным ученым, но познание для него – не самоцель, а средство для коллективных действий: для решения неких проблем нужно изыскать средства, предложив окружающим наилучший проект дальнейшего сосуществования.

Политическая борьба между сторонниками одной и той же доктрины иной раз бывает ожесточенной, а сторонники разных идеологий нередко заключают тактические союзы. Как писал А. Мачадо: «Несомненно, что в сфере политики, самой поверхностной и показной области человеческой деятельности, побеждает лишь тот, кто ставит свой парус, сообразуясь с направлением ветра, и никогда не победит тот, кто надеется, что ветер будет дуть, сообразуясь с тем, как поставлен его парус» [7, с. 185–186]. Правильность теории подтверждается практикой – идеология должна быть эффективной. Но действенность зависит от умелых или неумелых действий людей.

Политик действует на «территории», теоретик-ученый занят составлением «карты»: греческое слово «теория» означает «созерцание». Один озабочен тем, как правильно и непротиворечиво расположить значки на карте, второй решает реальные проблемы, он управляет людьми. Разумеется, некоторые политики были крупными учеными, а среди великих философов встречались вовлеченные в политику лица. Правда, чаще всего они были неудачливыми политиками, достаточно вспомнить опыты Платона в Сиракузах. Иногда к писанию трактатов незаурядные политики приступали, потерпев поражение, – таковы Цицерон, Макиавелли, Бэкон. Понятно, что в случае политики «карта» отличается от той, которую составляют космологи или палеонтологи. Она указывает на желательные направления движения, включая в себя оценки акторов. Классическая политическая философия ставит вопросы о добродетели и наилучшем политическом порядке, с которым сопоставляются реально существующие [см.: 10]. Но и политическая философия Нового времени, которая желала стать наукой, воздерживающейся от ценностных суждений, в действительности почти всегда была ангажированной.

отвращения к свободе, равенству, братству, счастью и миру как жизненным идеалам; мы оказываемся лицом к лицу с идеологией, которая прославляет иррациональность, волю к власти избранных меньшинств, покорность масс, жертву индивида во имя таких коллективов, как государство и нация» [13, р. 403].

Идеология выступает как своего рода медиатор или транслятор теории в плоскость политической практики. «Идеологическая мысль – это два в одном: *оружие и понятие*, политическое средство и социологическая реальность» [16, S. 253]. Для этого нужны особого рода таланты. Серьезная философская и научная подготовка здесь нужна не для созерцания и описания, но для того, чтобы направлять действия тысяч и миллионов людей. Такие знаковые для нашей истории лица, как Катков, Струве, Ленин, являются неплохими примерами подобного рода идеологов. Они обладали философской выучкой, сами были неплохими учеными, но талант их проявлялся прежде всего в адаптации высокой теории к задачам политической борьбы. Согласно так называемой теореме У. Томаса, если мы определяем ситуацию как реальную, то она становится реальной по своим последствиям. Если вкладчики опасаются того, что банк прогорит и забирают свои вклады, то он почти наверняка прогорит; если сотни тысяч людей определяют себя как эксплуатируемых пролетариев, «которым нечего терять», то страна оказывается на пороге революции. В социальной реальности «карта» способна менять «территорию».

Поэтому, когда мы говорим о консерватизме, следует четко понимать, что это слово часто используется в чрезвычайно широком смысле: историки политической мысли говорят о «консервативной философии» или даже «консервативной социологии» (экономике, истории, антропологии...). Столь же часто речь заходит о «консервативном мировоззрении». В обоих случаях мы наблюдаем обозначенное выше смешение «карты» и «территории». Философия занята поиском истины; то же самое можно сказать о социальных науках. К сфере политической философии относятся вопросы об общественном благе, о «хорошем обществе», добродетели и им подобные. Конечно, решение этих вопросов может служить той или иной политической партии, а некоторые философы были активными участниками политической борьбы. Однако, если мыслитель догматичен, принимает как бесспорные аксиомы партийные установки, то он перестает быть философом. Говорить о консервативной, либеральной или социалистической науке вообще не приходится. Идеи принадлежат сфере духа, споры между мыслителями ведутся по поводу верности «карты».

В свою очередь, утверждения относительно консервативного (либерального, социалистического, фашистского и т.д.) мировоззрения имеют право на существование, но также могут вести к путанице. Разумеется, социалистам свойственно стремление к социальной справедливости, но таковое встречается и у сторонников совсем иной идеологии. Консерваторы желают стабильного социального порядка, иерархии, не любят «экспериментов» в искусстве и, особенно, в морали, но есть сколько угодно коммунистов и либералов, которые сходны с ними в этих устремлениях. Иначе говоря, мировоззрение (или мирозозерцание) включает в себя верования, эмоции, привычки и склонности, которые сами по себе не являются ни «либеральными», ни «консервативными». Они принадлежат не «карте», а «территории». Идеология является как местом их встречи, так и орудием воздействия идей на действия в сравнительно узкой сфере политики.

Эволюция европейского консерватизма

При всех различиях позиций среди либералов и социалистов в обоих случаях за расхождениями все же прослеживается некая общая социально-экономическая доктрина. Таковую чрезвычайно сложно обнаружить у консерваторов разных стран. Они ссылаются на национальную традицию, религиозную конфессию, обычаи, каковые не тождественны в Великобритании, Испании или в России. Трудности возникают и из-за того, что слово «консерватизм» нередко употребляется в широком смысле, обозначая либо желание группы сохранить

status quo, либо даже мечту о возврате в какое-то идеализированное прошлое. Мы помним, как в отечественной прессе «консерваторами» именовали Егора Лигачева и прочих представителей советской номенклатуры, не желавших уступать свое место «демократам». Если следовать этой логике, то «консерваторами» могут оказаться и вспоминающие о временах *laissez-faire* либералы, и социал-демократы, мечтающие о возврате к «социальному рыночному хозяйству» 1970-х годов, и даже маоисты в КНР.

Другое, чуть более рациональное, но все же довольно неопределенное обозначение консерватизма связано с оппозициями: «старое – новое», «прогресс – реакция», «традиция – новшество» и им подобными. Безусловно, среди консерваторов хватало противников «прогрессизма» в XIX веке, но сама доктрина неизбежного и чуть ли не автоматического прогресса человечества давно сделалась сомнительной даже среди «левых». «Реакционеров» 150-летней давности можно записывать в предшественники «постмодернизма», поскольку они уже тогда отвергали «великие повествования» либералов и социалистов. Если же брать не мыслящих философов и историков, а партийных публицистов, то сегодня все они, включая консерваторов, обещают «прогресс». В рамках двухпартийных систем, преобладающих на Западе, различия между консерваторами, либералами и социалистами в значительной степени стерлись, а принадлежащие к среднему классу избиратели никогда не проголосуют за явных «реакционеров» или «революционеров».

Распространенной и более содержательной является трактовка консерватизма как «реакции на Французскую революцию». Это толкование отчасти верно, поскольку историю консерватизма принято начинать с памфлета Эдмунда Бёрка, написанного в 1791 году, в котором он еще до якобинского террора резко негативно отзывался о революции и вершавших ее революционерах. Однако мы можем сказать, что и либерализм, и социализм также были следствиями революционных перемен: они стали возможны только в возникшем в результате свержения «старого порядка» буржуазном обществе. Карл Маннхайм в своей талантливой книге «Консервативная мысль» заложил основополагающие тезисы большей части последующих либеральных и социалистических работ о консерватизме. Консерватизм у него оказался однозначно связан с романтизмом, что исторически лишь отчасти верно, причем даже в случае Германии (где эта связь в целом не вызывает сомнений) он явно подгонял действительность под свою схему. Как записать в консерваторы Гёте, Гердер, равно как и ряд литераторов, принадлежавших к движению *Sturm und Drang*? Схема Маннхайма и его многочисленных наследников проста: романтизм противостоял Просвещению, а Просвещение есть исток либеральных, а затем и социалистических доктрин. Просвещение прославляет разум, тогда как восходящий к романтизму консерватизм есть воинственно иррациональная идеология, желающая вернуть устремленное к прогрессу человечество к средневековью. Консерватизм есть отрицание философского и научного разума Нового времени. А так как к классикам консерватизма и к его предтечам принадлежат и выдающиеся мыслители Нового времени, и некоторые просветители, то у них обнаруживаются «иррациональные элементы»¹.

¹ Примером может служить недавно переведенная на русский язык книга американского «левого» либерала Кори Робина, в которой «иррационалистами» делают и Гоббс, и первый критик Французской революции Бёрк, который очевидным образом принадлежал к просветителям, да еще и был совсем не тори, а вигом; к тому же его политические взгляды мало чем отличаются от воззрений Юма. Характерно уже название книги: «Кори Робин. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013». «Игра на понижение» свойственна не только либералам, а потому я вполне допускаю, что по примеру этой книги появятся столь же

Между тем рационалистические доктрины и науки Нового времени создавались в эпоху барокко людьми, которых П. Шоню не случайно назвал «консерваторами порядка по природе, любителями порядка по устремлению», – выходцы из буржуазии, «не так давно принятые во второе сословие» магистраты, представители «дворянства мантии». «Научная революция – творение буржуазии, которая смогла жить по-благородному» [9, с. 403–404]. Феодальная аристократия вплоть до XVII века была невежественной, не имела никакой потребности в интеллектуальном развитии: «Презрение к учебе и манерам поведения оставалось визитной карточкой французской аристократии – такая форма ее социального поведения продолжала господствовать даже в начале XVII в.» [3, с. 441]. Так как консерватизм по общему признанию возникает как реакция на Французскую революцию, следует иметь в виду, что уничтоженный этой революцией «старый порядок» уже полтора века не был «феодальным». Несмотря на сохранение древней сеньориальной аристократии, режим «абсолютизма» предполагал компромисс между этой аристократией и городским патрициатом. «Преобладание этого юридического и чиновничьего класса отражено в развитии французского общества и культуры на протяжении XVII и XVIII столетий. Он проявил себя в чувстве логики и порядка, в настойчивом требовании абстрактных принципов и прав... Именно этот класс создал классическую культуру и абсолютистское государство *Grand Siècle* с помощью административного гения архибюрократа Кольбера и интеллектуального руководства людей типа Расина и Буало, Паскаля и Декарта, Боссюэ и Мальбранша, всех членов *noblesse de robe*, буржуазного чиновничьего класса» [5, с. 90]. Это хорошо заметно и по литературе той эпохи. Достаточно сравнить написанные в духе умонастроений этого слоя «Характеры» Лабрюйера с плебейским протестом хоть Руссо, хоть Шамфора.

Писавший по-немецки греческий философ Панайотис Кондылис в работе «Консерватизм. Историческое содержание и упадок» [15] дал довольно стройную картину истоков консерватизма – это порождение союза части недовольной абсолютизмом аристократии и верхнего слоя городской буржуазии, постепенно сраставшихся в XVI–XVIII веках. Идеалом для них выступала парламентская монархия, а потому Англия после революции 1688 года была идеалом как для континентальных просветителей, вроде Монтескье, так и для довольно широкого слоя образованной публики. Не случайно первый консерватор Бёрк был не только критиком происходившего во Франции, но также поклонником «Славной революции», которая ограничила деспотизм и «восстановила древние свободы». Во время французской революции этих позиций держалась партия «фейанов», которые пытались удержать бунт в рамках парламентской монархии, сохраняющей наследие сословного *societas civilis*. Именно по интересам этого слоя был нанесен основной удар во время революции, именно его следует считать социальной базой консерватизма, а не мечтавших о средневековом прошлом романтиков. «Революция 1789 г. в действительности была не просто борьбой буржуазии против дворянства. Она ликвидировала социальное существование сословной буржуазии, в первую очередь носителей “мантии”, привилегированных чиновников из третьего сословия, равно как и сословия цеховых ремесленников, ничуть не менее решительно, чем дворянского сословия» [11, с. 173]. Но этот слой не исчез вместе с революцией, он даже расширился в эпоху Реставрации, слился с частью промышленной и финансовой буржуазии¹.

глубокие труды с названиями вроде следующих: «Революционный дух от Карла Маркса до Демьяна Бедного» или «Свобода. От Джона Стюарта Милля до Новодворской».

¹ Об этом социальном слое как основании либерального консерватизма во Франции обстоятельно писал один из лучших французских историков, Р. Ремонд. См.: [18].

Интересам этого слоя во Франции отвечала возникшая после революции 1830 года конституционная монархия. В Англии британские сквайры начали обуржуазиваться еще в XVI веке («джентри») – именно они поспособствовали «Славной революции». В других странах Европы этот процесс шел куда медленнее, но он хорошо заметен во второй половине XIX столетия. В Австро-Венгрии буржуа охотно платили за приставку «фон» и право называться *Freiherr* – за век 9 тыс. семейств пополнили ряды высшего дворянства, не говоря уж о мезальянсах (аристократы всё чаще женились «на деньгах») [17, р. 48–50]. Эти перемены особенно быстро шли в Германии – бисмарковский «Второй рейх» был плодом союза прусского юнкерства и национал-либеральной буржуазии. Бисмарк опирался то на либералов, то на консерваторов, но сама консервативная партия в Германии выражала интересы не только дворянства, но также всех крупных и средних землевладельцев, а среди них уже преобладали представители «третьего сословия».

Такая эволюция консерваторов оказалась бы невозможной, если бы консерватизм был исключительно романтической мечтой о прелестях «старого порядка». Разумеется, среди консерваторов хоть начала, хоть конца XIX века встречались убежденные роялисты, противники любых реформ. Но вовсе не они определяли позиции консервативных партий. Стоит вспомнить о том, что расширение числа избирателей в Великобритании дважды проводили именно тори, тогда как виги этому решительно противились, поскольку допущенная к избирательным урнам средняя и мелкая буржуазия голосовала за консерваторов. О программе первой партии, принявшей название «консервативная» в начале 1830-х годов, ее лидер, Р. Пиль, писал, что это программа экономических и социальных реформ при сохранении общественного порядка. Консерваторы были противниками революции не из-за желания во что бы то ни стало сохранить в неизменности существующее – центральной идеей консерватизма является преемственность, живая связь проектов будущего с традицией, с прошлыми поколениями.

В XX столетии консерватизм окончательно утрачивает любую связь с силами «старого порядка». Совершенно неважно, руководит Великобританией дочь бакалейщика Тэтчер или потомок немецкой королевской династии Кэмерон, они представляют интересы именно британской буржуазии. Хотя среди избирателей консерваторов в странах, где сохранились монархи, чаще, чем среди «левых», можно встретить охранителей «трона и алтаря», на реальной политике это практически никак не сказывается.

Параллельно с этой эволюцией на «территории» происходили и смены тех «карт», которые выдвигались мыслителями. К истории консервативной политической мысли относят творчество как защитников монархии, «реакционеров», так и поборников постепенных реформ. Наименование «либеральный консерватизм» придумал французский историк и политик Ф. Гизо (или по крайней мере благодаря ему оно получило широкое распространение), но независимо от него во всех странах Западной Европы постепенно стали преобладать именно такие концепции. Конечно, встречались и совсем другие «карты». Примером может служить хотя бы «консервативная революция» в Германии, когда в Веймарской республике незаурядные философы, писатели и публицисты стали прививать к древу консервативной традиции подвой авторитарного социализма. На протяжении всего XIX века католическая церковь находилась в конфликте с обществом «модерна», да и в первой половине XX столетия она была благосклонна к авторитарным режимам. Когда в Западной Европе употребляли слова «реакция» и «обскурантизм», то чаще всего подразумевалась именно католическая церковь. Только к католическим мыслителям менее всего подходит слово «иррационализм»: схоластическая рациональность сочетается в католицизме с клас-

сицизмом XVII века; самую суровую критику политического романтизма можно найти у таких католиков-расстриг, как Ш. Моррас и К. Шмитт. Конечно, и после II Ватиканского собора встречаются католики, отвергающие современность от имени давнего прошлого. Как писал один из наиболее талантливых мыслителей такого рода, колумбиец Н. Гомес Давила, консерваторы сегодня просто отстаивают буржуазную демократию прошлого от наступающей мелкобуржуазной демократии будущего. Себя он поэтому прямо называет «реакционером»: «Реакционер становится консерватором лишь в те эпохи, в которых осталось нечто, заслуживающее сохранения» [14, р. 52], а сегодня сохранять практически нечего. Сходное с К. Леонтьевым эстетическое неприятие современности ведет и к негативной оценке господствующего человеческого типа, его «прав и свобод». Современная демократия (помесь олигархии с охлократией) выталкивает наверх невероятно вульгарных и пошлых болтунов. Свободой ныне именуют возможность пустословить, клеветать, творить кумиры из ничтожеств и подороже продавать свое перо: «Нынешний человек требует свободы, дабы безнаказанно процветала подлость» [14, р. 344].

Очевидно то, что подобный «реакционный» взгляд на современность не находит понимания ни у подавляющего большинства политиков, ни у идеологов консерватизма. Можно назвать его предвзятым, но он высвечивает ту непростую ситуацию, в которой оказалась именно консервативная идеология в последние десятилетия. Отчасти это связано с ее происхождением. Эта идеология элитарна, полагает «естественным порядком» иерархическое строение общества. Она в наибольшей степени сохранила связь с долгой традицией политической мысли, восходящей к трудам Аристотеля и Цицерона, а потому видит в правлении «лучших», в аристократии (или в меритократии), идеальное политическое состояние. Именно поэтому в консерватизме изначально неприятие деспотизма, цезаризма, абсолютизма. В условиях парламентской демократии базисом консервативных партий в XIX веке был широкий слой мелких и средних собственников, а в XX веке – «молчаливое большинство» среднего класса. Но в последние десятилетия этот союз все менее прочен. Средний класс беднеет, тогда как на вершинах власти укрепилась финансовая олигархия, которую вменяемый консерватор никогда не назовет ни аристократией, ни меритократией. Так называемый «неоконсерватизм» порывает с национальными и религиозными традициями, он охраняет лишь рыночную экономику и предлагает «модель общества, которая своим рационалистическим утопизмом и высокомерной идеей грядущей единой цивилизации больше всего уподобляется самым примитивным формам классического марксизма» [4, с. 198]. Сегодняшние «правые» партии в ведущих европейских странах трудно назвать хоть в каком-то смысле «консервативными». В свою очередь, немалая часть беднеющих мелких собственников, низшего среднего класса в целом радикализируется и голосует за «несистемные» популистские партии, будь они исходно «правыми» (вроде «Национального фронта» во Франции, «Лиги Севера» в Италии) или «левыми» (появившиеся в Испании или в Греции партии и коалиции). Консервативный синтез верящей в меритократию технократической элиты и среднего класса распадается.

Консервативное столетие в России

Все современные идеологии принадлежат европейской цивилизации последних двух столетий. Их не было до появления индустриального общества, урбанизации, социальной дифференциации, перехода от сословной структуры общества к классовой и еще целого ряда трансформаций, произошедших именно в Европе. Говорить о консерватизме или либерализме в иных цивилизациях возможно лишь в том случае, если они переняли западные экономические и политические институты.

Мы воздержимся здесь от обсуждения вопроса о том, является ли Россия особой цивилизацией или же принадлежит к европейской – пусть и с множеством особенностей; таковые имеются и у других стран. Более того, не только русские интеллектуалы выдвигали доктрины, противопоставляющие свою страну некоему абстрактному «Западу». Это было свойственно и немцам, и испанцам, причем в не столь уж давние времена. Подтверждением того, что наше политическое развитие в принципе не отличается от западного, может служить то, что дифференциация идеологических позиций происходила у нас сходным с Западной Европой образом.

Более того, на время формирования идеологий Россия представляла собой сходную с европейскими политическую систему. После петровских преобразований она не только вошла в концерт европейских держав, а по существу мало чем от них отличалась политически, будучи точно такой же сословной абсолютной монархией, как в Пруссии, Австрийской империи, Испании или той же Франции.

Тем не менее нельзя игнорировать и разнонаправленность изменений на «территории». Скажем, крепостничество было отменено в Австрии в конце XVIII века, в Пруссии – в начале XIX, тогда как в России вторая половина XVIII века является своего рода пиком закрепощения крестьян. Начиная еще с «коммунальных революций» XII–XIII веков городское бюргерство в Европе обладало правами и привилегиями, с XVI века началось его быстрое социальное восхождение и превращение цеховых ремесленников, купцов и юристов из сословия бюргеров в класс буржуа. Эта долгая социальная история стоит за политическими революциями, которые, начиная с 1789 года, захватили все европейские страны. В России эта социальная трансформация была куда менее длительной; по существу, о буржуазии в Российской империи в сколько-нибудь строгом смысле слова можно говорить только после реформ 1860-х годов, а сословные перегородки просуществовали вплоть до начала XX века. Телесные наказания крестьян были отменены только в 1904 году. Если на Западе смешение дворянства и верхушки бюргерства начинается еще в XVI веке (*noblesse de robe*, покупка титулов, женитьба на деньгах и т.п.), то в России это фиксируемо только в XIX столетии, да и то чаще всего связано с чиновничьей и армейской службой. Промышленная революция у нас началась примерно на полтора века позже, чем в основных странах Западной Европы.

Все это хорошо известно. Не вдаваясь в социально-экономические сопоставления, можно ограничиться тем, что относится только к сфере идеологии. На Западе консерватизм, либерализм и социализм оформляются примерно в одно и то же время – 1820–1830-е годы – как конкурирующие доктрины в странах, переживших революционные потрясения и вступающих в индустриальную эпоху. Они выражают достаточно дифференцированные интересы разных социальных групп. В России на это время не было и не могло быть ничего подобного. Поэтому совершенно фантастическими являются суждения немало числа не только дилетантов, но и многих историков, пишущих о «либерализме» хоть Александра I, хоть Александра II (и тем более Екатерины III!), либо о «консерватизме» хоть Николая I, хоть Александра III. Государя иной раз проводили существенные преобразования, причем значимые финансовые реформы происходили как раз во времена царствования «консерваторов».

Дело не в европейской образованности самих императоров и их окружения (вроде «комитета» молодого Александра I), а в самой российской действительности. Образованных людей среди русских аристократов было немало. Хорошо изучивший эпоху М.А. Алданов в предисловии к одному из своих романов писал, что совершенно недооцененным является поколение политических деятелей конца XVIII – начала XIX века (Панин, Безбородко, Воронцов, Па-

лен и др.), которые «в умственном и в моральном отношении стояли не ниже, а выше большинства их знаменитых западных современников, участников Французской революции» [1, с. 7]. Они прекрасно знали сочинения европейских просветителей, но жили и действовали в России. Их дети, вышедшие на Сенатскую площадь, точно так же имели дело со страной, в которой не было ни малейших шансов на осуществление каких бы то ни было «либеральных» прожектов¹. Собственно говоря, и те, и другие желали примерно того уровня прав и свобод, который соответствовал английской Великой хартии вольностей 1215 года. От них не отличались и симпатизировавшие бунтовщикам наиболее философски образованные лица той эпохи, «архивны юноши»: «они оплакивали, конечно, судьбу арестованных и сосланных друзей и родственников, но мы нигде не найдем осуждения правительства. Они оставались врагами *деспотизма*, изредка были враждебны правительству, но никогда не были противниками монархии как таковой» [6, с. 42]. Была ли иной позиция Пушкина, Вяземского, Тютчева? Ограничение деспотического произвола – вот требования хоть участников Фронды времен молодости Людовика XIV, хоть русских дворян начала XIX столетия.

Реформ желали сами государи и пытались осуществлять их, опираясь то на «шляхетство», то на чиновничество. С.Ф. Платонов так характеризовал внутреннюю политику Николая I: «Подавив оппозицию, желавшую реформ, правительство само стремилось к реформам и порвало с внутренней реакцией последних лет императора Александра. Став независимо от заподозренной дворянской среды, правительство пыталось создать себе опору в бюрократии и желало ограничить исключительность дворянских привилегий... С первых же месяцев царствования император Николай поставил на очередь вопрос о реформах. Обсуждение этого вопроса совершалось в закрытых комитетах, в которые призывались люди александровской эпохи по преимуществу... В занятиях секретного комитета крестьянское дело стало, можно сказать, на первый план» [8, с. 461–462]. Возвращен был из ссылки Сперанский, граф Киселев готовил отмену крепостного состояния. Только как его отменить в стране, где единственной опорой трона является дворянство, которое к тому же представляет собой единственное относительно образованное сословие? Реформы осуществлял уже Александр II, а подтолкнуло к ним поражение в войне.

Поэтому, переходя от «территории» к «карте» первой половины XIX века, следует признать, что в тогдашней России просто не могли появиться аналоги западных идеологий. Дворянская культура того времени расцветает, мы оправданно говорим о «золотом веке» русской литературы. Именно в это время рождается русская философия («кружок Раича», «кружок Станкевича», первые «западники» и «славянофилы»), причем вопросы политической философии и философии истории были для наших первых «любомудров» первостепенными. Только идеология представляет собой не просто философское созерцание космоса и общества, она задает ориентиры для политического действия больших социальных групп. А к участию в политике в империи было готово только небольшое число дворян.

Поэтому утверждения относительно «либерализма» Сперанского и «консерватизма» Карамзина, равно как о «прогрессизме» наших «западников» и «реакционности» их оппонентов-«славянофилов», являются очевидным образом ложными. Какой «прогрессизм» можно найти у первого «западника», Чаадаева? Не были ли активный участник освобождения крестьян Самарин и борец за свободу совести Аксаков куда более «либеральными», чем большинство «западников»? Сформированные французской и немецкой мыслью русские умы

¹ Аристократический характер этого бунта прекрасно передал поэт: «Тому свидетельство языческий сенат, Сии дела не умирают...».

были ничуть не хуже, чем у лучших западных политических мыслителей, но они либо писали по чужим прописям, либо, отталкиваясь от российской действительности, выдвигали фантастические прожекты. Достаточно вспомнить все то, что было написано славянофилами о «соборности», либо Герценом об общине как истоке социализма. Сен-Симон, которого Герцен прочитал в юности, был первым проповедником индустриального общества, а для его русского последователя социалистический идеал обнаружился в далеком, чуть ли не первобытном прошлом.

Идеологии формируются в пореформенной России вместе с чрезвычайно быстрым развитием промышленности и торговли, дифференциацией социальных групп. Политически земское движение выступает предшественником как русского консерватизма, так и отечественного либерализма. Однако история этих движений была чрезвычайно короткой – от 1905 по 1917 год. О партиях кадетов и октябристов существует обширная историческая литература, существенно меньше написано о националистах в IV Думе, хотя они были главной опорой реформ Столыпина. По существу, российский консерватизм окончательно сформировался в годы Первой мировой войны как союз правых кадетов, октябристов и националистов. Они четко отличали себя от революционных партий, от монархистов, но очевидным стало отличие и от большинства кадетов. Противостояние с правительством, с канцлерами вроде Штюрмера и Трепова переросло к концу 1916 года к противостоянию с самодержавием. Отречение Николая II принимали совсем не либеральные деятели. Только партии российских «фейанов» ненадолго пережили монархию.

Поэтому мы можем сказать, что главной особенностью развития на российской «территории» было сравнительное отставание в развитии – идет ли речь о промышленности, социальной структуре или политических институтах. В Европе хватало стран, которые отставали в развитии от Англии и Франции ничуть не меньше России, – достаточно вспомнить об Испании или юге Италии. Но ближе всего к России стояли страны Центральной Европы, от них она отставала примерно на полвека. Революция 1905 года решила в России примерно те же задачи, что и революция 1848 года в Германии и в Австрии. Примером может служить даже ментальность монархов. Карл X во Франции еще исцелял от золотухи наложением рук, наподобие своих давних предков, Франц I в Австрийской империи и Фридрих Вильгельм III в Пруссии желали сословного «покоя и порядка», но уже через несколько десятилетий мало чем от них отличавшегося по идеям Людвига Баварского объявили сумасшедшим. В век паровых машин, станков и броненосцев доктрина «двух тел короля» уже не была востребованной. В России верный умиравшей традиции монарх правил вплоть до февраля 1917 года.

Если же брать творчество консервативных мыслителей, то оно в полвека между освобождением крестьян и революцией 1917 года было чрезвычайно многообразным. Это время расцвета русской религиозно-философской мысли, но это и время возникновения интересных исторических, социологических, экономических доктрин. Часть из них явно перекликается с консервативной идеологией, а некоторые ученые сами были видными идеологами и политическими деятелями. Эти доктрины, дискуссии, идеи, личности заслуживают специального рассмотрения. Проблему идеологической идентификации всякий раз приходится решать с учетом исторической ситуации. Кого мы называем консерваторами – Данилевского и Страхова или ведущего с ними полемику Соловьева, выдвигающего в то же самое время совсем не либеральную идею всемирной теократии? Является таковым Чичерин или же Катков? К либеральной или к консервативной публицистике следует отнести «Вехи»? Подобных вопросов много, они относятся к сфере профессиональной деятельности историков политической мысли.

Для нас важно лишь то, что в России, как ранее в странах Западной Европы, происходит довольно быстрое обособление консерватизма как от либерализма, так и от романтической «реакционной» мысли. Последняя была представлена у нас чрезвычайно яркими фигурами (Катков, Леонтьев, Тихомиров, Розанов), в ней мы обнаруживаем параллели западным романтикам и «почвенникам». И у нас, и на Западе эта мысль шла к различным вариантам правого «народничества»: противопоставление идеализированного общинного духа (Gemeinschaft) гражданскому обществу (Gesellschaft) совсем не обязательно ведет к тем разновидностям социализма, которые какое-то время были популярны в России. Это также источник многочисленных разновидностей правого популизма – фашизм является наиболее известным примером (в частности, национал-социализм идейно восходит к идеологии немецких *völkisch*). Развитие консервативной идеологии шло в совсем другом направлении.

Особенностью русской политической мысли в целом следует считать слабость либерализма. «Пламенными» у нас были революционеры и реакционеры, которые оказались талантливее «людей середины». Наш вклад в развитие европейской мысли является максимальным в случае анархизма: его «классики» – Бакунин и Кропоткин. В то же самое время историки нашего либерализма всякий раз вынуждены, так сказать, «подворовывать», причисляя к либералам то Герцена, то Аксакова. Наилучшим примером может служить известная работа эмигранта В.В. Леонтовича «История либерализма в России», в которой к либералам отнесены чуть ли не исключительно консерваторы, тогда как Милюков из этой истории торжественно изгнан как «левый».

Если брать только сферу политических идей, то для российского консерватизма чрезвычайно важной является эволюция целого ряда наших мыслителей в эмиграции. Даже несомненные либералы, вроде Новгородцева, сдвигаются вправо, Бердяев пишет «Философию неравенства», а в прошлом эсер Степун начинает писать о «твердовластии». Сочинения таких философов, как Ильин или Струве, можно отнести к «классике» консервативной мысли. Понятно, что к политической практике в самой России все эти тексты не имели никакого отношения, а хоть как-то соотносимые с происходившим в СССР («сменовеховцы», часть евразийцев) имели фантастический характер – желаемое принималось за действительное. С революцией окончательно умерла и восходящая к Византии имперская традиция: ностальгические чувства по ней мы находим у некоторых мыслителей и литераторов, но это именно ностальгия по тому дорогому прошлому, которое ушло и более никогда не вернется, – «Белого царя»¹ уже никогда не будет.

Русский консерватизм не обладал какими-то принципиальными отличиями от западноевропейского², но, как и любой другой консерватизм, он отсылал к собственной традиции, а она отлична от британской или итальянской. Поэтому в сочинениях наших консервативных мыслителей неизбежными были ссылки и на «Третий Рим», и на общину, и на православие. Но если брать не «карты», а «территорию», то принципиальных отличий не обнаруживается. Консерватизм в России был представлен теми партиями и лицами, которые желали ограничить самодержавие, провести реформы, которые не разрывали бы преемственность с прошлым. Этот опыт оказался неудачным, поскольку протекал он в действительности, «одни хотели страну подморозить, а другие поджечь». О слабости

¹ История генезиса и умирания в эмиграции этой идеологемы неплохо показана в послесловии к хрестоматии «Белый Царь. Метафизика власти в русской мысли» [2].

² То, что он вполне сопоставим с немецким, французским, испанским, показывает энциклопедический труд лучшего германского историка политических теорий Клауса фон Бойме. См.: [12].

русской буржуазии писал в свое время не только Ленин. Не сумев преобразовать правящий режим, наши «фейяны» поспособствовали его падению, причем сделали это во время войны. Последствия нам хорошо известны.

Консерватизм вернулся в Россию совсем недавно. Воздержимся от характеристики тех политических сил, которые связывают себя с этой идеологической традицией. Отметим лишь то, что происходит это у нас в то самое время, когда западный консерватизм утратил свою идентичность, а донныне существующие партии, которые еще четверть века назад были консервативными, сегодня таковыми, по существу, не являются. Отличия между нынешними социалистами и «правыми» в современной Франции сводятся разве что к тому, что первые ориентируются на американских демократов, а вторые – на американских республиканцев, тогда как к наследию де Голля обратились его прежние яростные оппоненты из Национального фронта. По всей Европе происходит переформатирование политических сил, к которому наша сегодняшняя ситуация не имеет почти никакого отношения.

Историю политической мысли, равно как историю вообще, желательно знать для того, чтобы решать не проблемы столетней давности, а настоятельные проблемы настоящего. Немалая часть споров сегодняшних идеологов в России (причем не только консервативных) имеет антикварный характер, да и способствуют они разъединению. Одни наши консерваторы желают «твердовластия», другие стремятся к развитию гражданского общества и парламентаризма, есть сторонники федерализма как обновленной формы империи, другие предстают как русские националисты. Нет согласия относительно степени вмешательства государства в работу рынка, по-разному видятся даже исторические образцы – для одних это Столыпин, для других Устрялов, для третьих даже Иван Грозный. Объединяет консерваторов патриотизм, но сегодня он – в силу внешнеполитической ситуации – вообще является разграничительной линией между допустимым и недопустимым в российской политической жизни. Но патриотизм все же не является привилегией консерваторов, поскольку патриотами могут быть и либералы, и коммунисты.

На мой взгляд, перед консервативными идеологами и публицистами стоит вопрос о рациональном проекте, объединяющем технократическую и военную элиту с интересами не только крупных корпораций, но прежде всего широкого слоя средних и мелких собственников, среднего класса в целом. Неудачу такого проекта столетней давности следовало бы считать своего рода уроком истории.

Литература

1. *Алданов М.А.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1991. Т. 2.
2. Белый Царь. Метафизика власти в русской мысли: Хрестоматия / Сост. и коммент А.Л. Доброхотова. М.: МАКС-Пресс, 2001.
3. *Голубков А.В.* От *disputatio* к *conversation erudite*: стратегии аргументации во французских академиях XVII в. // Полемика культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
4. *Грей Дж.* Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003.
5. *Джосон К.Г.* Боги революции. СПб.: Алетейя, 2002.
6. *Койре А.* Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2003.
7. *Мачадо А.* Избранное. М.: Художественная литература, 1975.
8. *Платонов С.Ф.* Русская история. М.: Эксмо, 2009.
9. *Шоню П.* Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.
10. *Штраус Л.* О классической политической философии // *Штраус Л.* Введение в политическую философию. М.: Праксис, 2000.
11. *Элиас Н.* О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2.
12. *Веуме К. von.* Politische Theorien im Zeitalter der Ideologien 1789–1945. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002.

13. *Gentile E.* Qu'est-ce que le fascisme? Paris: Gallimard, 2004.
14. *Gomez Davila N.* Escolios a un texto implicito. Bogota, 1977. Vol. 1.
15. *Kondylis P.* Konservatismus. Geschichtlicher Gehalt und Untergang. Stuttgart: Klett-Cotta, 1986.
16. *Plessner H.* Abwandlungen des Ideologiedenkens // *Plessner H.* Zwischen Philosophie und Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.
17. *Pollak M.* Vienne 1900. Uneidentite blessée. Paris: Gallimard; Juillard, 1984.
18. *Rémond R.* La droite en France de la première Restauration à la V-e République. Paris, 1968. Vol. 1.

Аннотация. Русский консерватизм принадлежит истории европейской политической мысли, равно как и истории партийной политической практики в России XIX столетия. В статье последовательно рассматриваются этапы развития консервативной идеологии в странах Западной Европы и в России.

Ключевые слова: идеология, эпоха барокко, романтизм, консерватизм, реакция, либеральный консерватизм, политическая философия, карта, территория.

Alexei Rutkevich, Ph.D. in Philosophy, Professor, Dean, Faculty of Humanities, Higher School of Economics – National Research University. E-mail: arutkevich@hse.ru

Peculiarities of Russian Conservatism. Map and Territory

Abstract. Russian conservatism makes part of European political thought, as well as Russian party practices in Russia in the XIX century. The article consistently analyzes the stages of development of conservative ideology in Western Europe and in Russia.

Keywords: Ideology, Baroque, Romanticism, Conservatism, Reaction, Liberal Conservatism, Political Philosophy, Map, Territory.